

Все события вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

ГЛАВА 1

Мюнхен, 1929 год, Ева Браун

У владельца фотоателье Генриха Гофмана, по наблюдениям Евы, было два основных занятия. Обслуживать клиентов и ворчать. Оба этих дела доставляли ему огромное удовольствие.

— Сейчас вылетит птичка! — приветливо улыбался он уставившейся в объектив семейной паре. И тут же оборачивался к своей помощнице: — Фрейлейн Браун, напечатайте счета! Почему не готовы? Не просил? Ну и что! Вы должны угадывать, понимать без слов!

А через полчаса старательно поправлял бант норковившей разрыдаться белокурой девочке и снова бурчал:

— Почему не рассортированы фотографии?! А папки! Я же просил вас подготовить папки с документами! Я хочу, чтобы к моему возвращению они лежали на столе!

И так — с утра до ночи: то одна просьба, то другая, причем часто второе поручение полностью противоречило первому!

А еще он пытался казаться грозным. Сурово сдвигал широкие темные брови, приглаживал напомаженные черные волосы. Однажды даже ударил кулаком по столу, задев снимки. Фотографии взметнулись, как стая испуганных птиц. А Ева закусила губу, чтобы не расхохо-

таться. При всем своем воинственном облике начальник обладал тонким писклявым голосом. От возмущения у шефа смешно опускались уголки губ — точь-в-точь как у клоунов на ярмарке. Возможно, поэтому распоряжения герра Гофмана не очень-то хотелось выполнять — зато они веселили, внося разнообразие в довольно скучную работу.

— Папки! Фрейлейн Браун! Я рассчитываю их просмотреть сегодня! О чем вы только думаете?! — пропищал начальник и, набросив пальто, выскочил из ателье под мелодичный звон колокольчика над дверью.

Ева машинально проводила глазами массивную фигуру, удалявшуюся в сторону ближайшей пивной, и фыркнула. Герр Гофман мог бы быть и подобнее к новой помощнице! Ведь еще и двух недель не прошло, как он взял ее сюда, на Шеллингштрассе, 50. Конечно, работать здесь не так уж и весело. А все потому, что пока хозяин не подпускает к святая святых — съемке, проявке пленок, печатанию фотографий. Подай, принеси, подготовь — не очень-то разнообразные и интересные обязанности. Но после школы при монастыре, с ее выстывшими классами и вечной зубрежкой, в фотоателье в принципе неплохо. В любом случае эта работа будет получше, чем у старшей сестры. Ильзе работает в приемной доктора, а там и кровь, и раны, и плач, бр-р-р!

Звякнувший колокольчик отвлек Еву от мрачных мыслей.

— Здравствуйте! — Молодой человек в национальном баварском костюме залился краской. — Я хотел бы сделать свой портрет.

Смотреть на таких людей — одно удовольствие. Очень красивый мужчина! И стройный, как тростинка! Тонкая полотняная рубашка, шорты и гольфы ему так идут!

Втянув живот (ох уж эти монашки с их требованиями съедать все, до последней крошки, ох уж эти ярмарки, где продаются вкуснейшие яблоки в шоколадной и леденцовой глазури), Ева пробормотала:

— Господина Гофмана пока нет, но он скоро придет, вы можете его подождать.

Молодой человек покраснел еще сильнее.

— Видите ли, я не хотел фотографироваться прямо сейчас. Я думал просто узнать, сколько это стоит, посмотреть образцы. Расскажите мне. Если вас не затруднит, и если я не помешал, и если...

Вконец смутившись, посетитель замолчал. Ева открыла альбом с образцами, улыбнувшись, взглянула на пылающие рубиновые уши клиента. И вдруг поняла, что мужчина специально караулил, пока хозяин отправится выпить свою обычную обеденную кружку пива. Никакой он не клиент. Хочет поболтать, познакомиться, а потом...

Он очень милый. И кажется, добрый. Значит, будут студенческие кофейни, их много в этом районе, — дымные, шумные. Будет пронзительное страстное танго. Ночной прохладный Мюнхен покажется новым, необычным, созданным только для их неспешных шагов. Поцелуй? Наверное, можно позволить, только не сразу.

«Фритц, наша девочка совсем взрослая, — всплеснет руками мама, когда узнает, что за дочерью ухаживает мужчина. — И когда она только успела вырасти!»

«Фанни, не говори ерунды, ей еще только семнадцать! — возмутится отец, нервно приглаживая светлые, торчащие вокруг проплешины волосы. — До совершеннолетия целых четыре года, у нее еще ветер в голове!»

Потом строгий папа станет еще внимательнее следить, чтобы после работы Ева возвращалась домой, никаких свиданий. Затем хитрая лукавая мама уговорит пригласить кавалера на ужин.

Помолвка, свадьба, заботиться о муже, рожать и растить детей.

Все так предсказуемо. Как у всех. Неужели это и есть счастье? Всего семнадцать — а ведь уже вся будущая жизнь предстает перед глазами пугающе четко. И все же сердце замирает, предвкушая что-то необыкновенное, захватывающее, волнующее...

Странно? Страшно? Да!

Но лучше страшно, чем скучно. Лучше жизнь, как в романе Карла Мая¹, чтобы не было ничего общего с занудными житиями святых, которые в монастыре заставляли учить наизусть.

«Ой, прости, господи, — испугалась Ева, переворачивая страницу альбома. — Конечно же, жития святых не занудные, просто... просто так подумалось».

— Меня зовут Отто. Я давно вас заметил. Хотя в этом нет ничего удивительного. Как можно не заметить прекрасное солнце! — Мужчина мельком посмотрел в окно и разочаровано вздохнул: — Герр Гофман возвращается. Я зайду завтра. Не возражаете?

— Нет, — выпалила Ева и послала молодому человеку воздушный поцелуй. — Заходите!

«Быстрее уходи, быстрее, — мысленно внушала она румяному симпатичному лицу и алым ушам. — Начальник возвращается, мне надо срочно достать со шкафа проклятые папки. А юбка короткая, я ее вчера вечером

¹ Популярный в те годы писатель, автор книг о приключениях ковбоев. Адольф Гитлер тоже зачитывался этими романами.

специально укоротила. Не уверена, что шов ровный. К тому же это вообще не дело — при молодом человеке на стремянку взбираться!»

Она успела стащить с высокого шкафа лишь одну дурацкую пыльную папку. Вскрабкалась на лестницу, взяла вторую — и колокольчик над дверью зазвенел. В ателье вошел Генрих в сопровождении какого-то господина в светлом английском пальто и широкополой шляпе.

Ева украдкой взглянула на посетителя. Старый, ну то есть немолодой, почти как папа, ему около сорока. Ровный шов на юбке или косой — гостю без разницы, не на одежду смотрит, так и пялится на ноги. А ноги, к сожалению, полноваты. Худеть надо, чтобы стать похожей на красивых девушек в журналах мод. У них вот ножки — загляденье, тоненькие, стройные. И щек толстых тоже нет. С этими щеками просто беда! Делают симпатичное личико похожим на мордочку мыши, вдоволь запасшейся зерном...

Стараясь не оступиться, Ева осторожно спустилась с лестницы, положила папку на стол и стала раскладывать карточки по конвертам. Решила, что больше на стремянку не полезет. Гофман с гостем удалились в кабинет, но мало ли что, а вдруг они вернуться? Хватит с мужчин и одного сеанса созерцания голых коленок!

Работа увлекала. Ева обнаружила снимки недавно посещавшей ателье семейной пары и молодой девушки, а еще девчушки с огромным белым бантом.

— Генрих — хороший фотограф, — пробормотала она, заправляя за ухо непослушный светлый локон. — Но я бы снимала по-другому. Чтобы люди получались такими, какие они в жизни. Естественными, улыбающимися, жестикулирующими. Фотографии Гофмана красивые, но они не живые.

Заслышав шаги, Ева подняла голову и, мысленно себя ругая за вечное кокетство, приветливо улыбнулась. Гость начальника приподнял шляпу:

— Позвольте откланяться, милая фрейлейн!

— Это наша маленькая Ева, моя помощница, — подобострастно запищал шеф.

Удивление — к чему такое заискивание? — вспыхнуло в сознании Евы, но быстро исчезло, вытесненное сильным желанием рассмотреть, изучить, мысленно сфотографировать лицо незнакомца.

Годы уже проложили в серой бледной коже глубокие морщины. Их подчеркивали и темные волосы, слишком сильно зачесанные набок. Усики — клочок пакли под носом — невольно цепляли взгляд. А потом становилось понятно, что и нос у мужчины слишком крупный, с большими ноздрями, и губы тонкие, неинтересные, а подбородок круглый, будто у дамы.

«Неужели с моим лицом тоже будет так? Его испортит старость, и свежая кожа высохнет, станет сухой, как пергамент. Как это случается, почему? — думала Ева, не в силах оторвать взгляд от незнакомца. — Но как бы это ни происходило, в моем случае это будет ужасно. Потому что у меня нет таких глаз, как у него. Эти глаза делают прекрасным любое лицо! Голубые, завораживающие. Они теплые и холодные, как свежий дождь или молния, все время меняются, как ласково он смотрит, он очень сильный, я не могу на него не глядеть, а это невежливо...»

— Буду рад, если вы окажете мне честь поужинать в «Osteria Bavaria»¹ завтра вечером.

¹ Один из любимых ресторанов Адольфа Гитлера в Мюнхене.

«Это не просьба, не вопрос — приказ, — поразилась Ева и, чтобы скрыть радостное возбуждение, отвернулась к окну. — А впрочем, конечно, схожу. Надо только вернуться не очень поздно, иначе отец заругает».

— Неужели ты его не узнала? — довольным тоном поинтересовался Гофман. — А ты ему понравилась, уж я-то в таких делах понимаю.

Ева пожала полными плечиками.

— Нет, не узнала.

— Это же Адольф Гитлер! Наш вождь, лидер национал-социалистов!

Спрашивать, кто такие национал-социалисты, у начальника было неудобно. А вдруг это что-то очень важное или знаменитое? Тогда Гофман непременно решит, что его помощница — дурочка!

К вечеру странное слово из памяти Евы испарилось совершенно. Она запомнила только имя гостя с потрясающими глазами.

— Адольф Гитлер? — Отец аж закашлялся от возмущения. — Да он австрийский голодранец, вот он кто! Терпеть не могу нацистов — шайка проходимцев, прикрывающихся гнуснейшими лозунгами! Не вздумай ходить на их митинги! Ты слышишь?

Папа говорил что-то еще. Но когда Ева поняла, что речь идет о таком скучном деле, как политика, то слушать отца перестала. А задумалась над тем, какой костюм выбрать для завтрашнего ужина. Серый жакет и серую зауженную юбку до щиколоток? Элегантно, но не очень-то кокетливо. Или лучше нарядиться в тонкую шелковую белую блузку и темную расклешенную юбку, доходящую до середины голени? Хотя не слишком ли юной она будет выглядеть в такой одежде? В любом случае эти вопросы уж поважнее какой-то там политики!

* * *

Страшной тайной писательницы и журналистки Лики Вронской была Светлана. Сорокалетняя, улыбчивая, стройная и подвижная — называть ее женщиной не поворачивался язык. Только «девушка», и никак иначе.

Она привела Ликину квартиру в идеальный порядок. Непостижимым образом сумела убедить полугодовалую Даринку не плакать в режиме нон-стоп, подружилась с собакой, голден-ретривером Снапом.

Фанатизм помощницы по хозяйству казался абсолютным. Светлана боролась с грязью даже на внутренней стороне пробок, закрывающих раковины. Обожала девочку, как свою родную дочь. Она готовила, гладила одежду, была надежнее швейцарского банка. И при таком активном вкалывании тем не менее буквально светилась от счастья. Ей действительно нравилось все: менять памперсы, тестировать новые моющие средства, придумывать рецепты блюд. Все, связанное с домом и бытом — не важно, что чужим, — доставляло Светлане искреннее удовольствие. Но... При всех достоинствах няни Лики Вронская никак не могла простить себя за то, что доверяет дочь хоть и умелым, но неродным рукам. Ей было очень стыдно перед самой собой. И перед окружающими. О том, что Даринка остается с няней, пока горе-мамаша строчит статью, пишет книгу или просто шатается по Москве, знали только мамочки из ближайших домов. Так как они просто не могли не заметить, что с Дариной уже гуляет не вечно рассеянная соседка. Рассказать же об этом своим родителям и подругам Вронская не могла. Издевалась над собой: «Няня, помощница по хозяйству, — страшная, ну очень страшная тайна! Увы, сюжет книги вокруг

этого не закрутишь». Посмеивалась, ругала себя — но молчала, как партизан.

Звонок в дверь, как обычно, вызвал у Лики противоречивые чувства. Как хорошо, что пришла Светлана и можно будет хоть немного отдохнуть или поработать. И как стыдно, что родную дочь растит чужой человек.

— Привет, Лик. Как Дариночка? — Света быстро сняла куртку, ботинки и бросилась к кроватке. У подошедшей следом Вронской заныло сердце: дочь улыбалась няне *слишком* радостно... — Доброе утро, солнышко! Как она спала?

— Хорошо. — Лика нагнулась, проверила памперс. Еще не толстый, запаха нет — значит, можно пока не менять. — После того как я стала ее брать по ночам в постель, она почти не плачет. Захочет есть, находит грудь. Я сначала боялась ее раздавить. Но, наверное, материнский инстинкт даже во сне срабатывает. — К ее щекам прихлынул стыд. Кто б говорил о материнском инстинкте! Уж никак не она, «кукушка», скинувшая дитяtko на няню! — В общем, все у нас в порядке. Я сегодня всего один раз просыпалась, когда она обкакалась.

— Вот и славно, — Света тепло улыбнулась, — значит, зубки у вас без проблем будут резаться.

— Зубки?!

Няня, откинув с плеча длинную черную косу, склонилась над кроваткой:

— А вы разве ничего не почувствовали, когда кормили?

— Нет. Я вообще сейчас ничего не чувствую. Это после родов казалось, что она мне сосок разгрызает. А потом чувствительность снизилась. Ой, ма-а-а-мочки...

Вот.

Вот оно, наказание.

И кара, и все кошмары, вместе взятые, ужас, конец света...

Света оттянула Дарине нижнюю губку. Из розовой десны девочки действительно торчит кончик зуба. Но какой... Зубик же совершенно прозрачный, как стеклянный...

«Так, к врачу, срочно, наверное, нам пропишут кальций, только бы ничего серьезного, — думала Лика, прижав к щекам ладони. — Почему, она же такая маленькая, блин, нет!»

Няня осторожно коснулась ее руки.

— Лика, вы не переживайте. Так у некоторых деток бывает. Зубик потом побелеет.

— Правда?! Побелеет! Ой, как хорошо, прямо от сердца отлегло. Значит, к врачу не надо?!

Света покачала головой, взяла любимого Даринкиного мишку.

— Я здесь! Давай играть!

Девочка покосилась на няню.

Причмокивает маленький ротик. Светлое нежное личико морщится и краснеет. Через пару секунд, сделав вдох побольше, Дарина Владиславовна решает, что она сирена, и оглашает квартиру звонким ревом.

— Ты мой вечно голодный ребенок, — пробормотала Вронская, доставая дочь из кровати. — На аппетит, слава богу, не жалуемся. Никогда бы не подумала, что эти крохи столько едят, так часто, и так долго! Впрочем, «беременные» страхи имеют очень мало общего с той реальностью, в которую погружается женщина после рождения ребенка.

...До родов ей казалось: очень плохо, что девочка будет расти без папы. Конечно, со временем Дарина узнает все о своем отце, услышит его музыку, познакомится

с родственниками¹. Но это произойдет, когда она уже станет достаточно большой, чтобы понимать, что такое смерть, трагическое стечение обстоятельств; что жизнь без отца — все равно жизнь, и она прекрасна. А до того, как девочка сможет осознать все эти вещи, она будет страдать и чувствовать себя обделенной. У всех детей ведь есть папы, а у нее нет!

Именно по этой причине — дать ребенку отца — Лика всерьез думала, не выйти ли ей замуж за бизнесмена Андрея Захарова². Симпатичного, успешного, совершенно нелюбимого, но разве это важно, когда в животе уже вовсю шевелится ребенок и все мысли лишь о его здоровье и счастье? Да и материальные соображения вдруг вышли на первый план. Это раньше можно было не особенно переживать по поводу отсутствия денег. А теперь, когда есть малышка, приходится учиться ответственности и математике.

Наверное, если бы на месте Андрея был кто-нибудь менее харизматичный и любвеобильный, Лика, решив, «стерпится — слюбится», перед роддомом обязательно посетила бы загс. Но Захаров, при всей своей притягательной энергетике, не внушал доверия. Его можно было бы полюбить, но удержать... Представив, как ребенок выслушивает вечные разборки, Лика мягко отказала Андрею. Он не расстроился или так отлично сделал вид, что не расстроился, что Вронская поняла: она приняла правильное решение.

Чего еще бояться беременные женщины? Что со здоровьем ребенка будут проблемы. Что сами они распух-

¹ Об истории знакомства Лики с Владом Резниковым см. роман О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского».

² См. роман О. Тарасевич «Копия любви Фаберже».

нут до объемов слонихи. Сойдут с ума от боли во время родов. Что попадутся плохие врачи. Что...

Страхов множество, но уровень развития медицины позволяет сегодня многое. Следить за состоянием ребенка, обезболить схватки, в случае малейших проблем со здоровьем матери и малыша быстро оказывать помощь.

Острые болевые ощущения при нормальном течении родов длятся, как правило, не так уж и долго. Лишний вес обычно уходит за два-три месяца. Талия и грудь, наверное, мало у кого могут вернуться к дородовым форме и объему — но так ли важны эти несколько килограммов и сантиметров?

И даже Ликины опасения насчет нехватки денег были напрасными. Меньше расходов на свою одежду, на рестораны и кофейни. И дебет с кредитом сводятся просто замечательно. К тому же писателям и журналистам в этом плане проще, они могут работать дома, по свободному графику. Конечно, эти доходы несопоставимы с додекретными — но жить на них с ребенком можно совершенно спокойно и даже не отказывать себе в удовольствии баловать доченьку.

О реальных проблемах после рождения ребенка женщины думают меньше. Возможно, поэтому они оказываются не готовы, когда эта волна накрывает с головой и кажется, что уже не выплыть.

Дарину Лике в палату принесли вскоре после родов.

Вронская с любопытством смотрела на светленькое крошечное личико с кнопкой-носиком и влажными ресничками и... не чувствовала ничего, кроме любопытства. И еще, может, облегчения: девочка родилась красивой в отличие от краснолицего лысого крикуна соседки по палате.

Из груди уже выделяются капельки молозива, болит низ живота, от слабости кружится голова. И малышка вот рядом лежит, самое красноречивое подтверждение начала нового этапа в жизни.

В общем, полный комплект, все есть. Кроме материнских чувств. Где любовь, умиление, нежность, где они?!

Или любовь — синоним беспокойства? Вечной тревоги, никогда не проходящего волнения?

Почему она кричит? Поела, и все равно кричит? Что это за пятнышки на маленьких щечках? Опять она срыгивает. Снова нет какашек, или слишком частые какашки, или они не того цвета. И только бы молоко не пропало. И чтобы никаких инфекций. И... и так постоянно, изо дня в день.

Даринка любит покушать, грудь приходится давать часто. Ест долго. Плачет громко. Вроде бы и не делаешь ничего особенного, но к концу дня от усталости валишься с ног. А малыши почему-то не считают, что по ночам надо спать.

Через месяц после того как ее с дочкой выписали из роддома, Лика завела манеру рыдать с восемнадцати до девятнадцати тридцати. Строго по расписанию. Даринка, покушав, вечером могла спать по два-три часа. Лика мыла пол (а что делать, собака в доме — потому каждый день влажная уборка), закидывала одежду в стиральную машинку, заваривала себе чай. И начинала реветь, как белуга.

«Блин, Дарина такая беспокойная. Я не могу выйти из комнаты, ей постоянно необходимо мое присутствие. Мне стыдно напрягать маму — она устает еще быстрее, чем я. Я деградирую. Я — плохая мать. Я сама как ребенок — мне надо перетерпеть, но я такая уставшая и невыспавшаяся, что ничего не соображаю. Какие там страдания насчет безотцовщины! Когда еще она начнет все

понимать, задавать вопросы. Я настолько обессилела, что, мне кажется, я просто не доживу до того момента, когда Дарина заговорит...»

Потом грустные мысли заканчивались, слезы высыхали. Остатки логики давали о себе знать: подумай, во времена отсутствия памперсов мамочкам приходилось еще хуже. И продолжала вертеться все та же карусель: покормить, переодеть, погулять, поиграть, укачать, снова покормить.

«Больше ничего уже не будет, как раньше, — когда хватало энергии на мысли, думала Вронская. — Я очень рада, что есть Даринка. И вместе с тем мне так больно, что я больше не смогу просто сесть в машину и поехать куда глаза глядят или говорить, забыв обо времени, с интересным собеседником. Да, до рождения ребенка я не имела привычки шастать ночами напролет со случайными знакомыми. Но теперь, когда я уже никогда не смогу ничего такого себе позволить, мне в этом видится огромная ценность».

Одна из истерик оказалась уж очень долгой и выматывающей. Вронская кормила ребенка и ревела, укачивала девочку, и слезы продолжали литься, мыла попку и стонала. А потом с Даринкой на руках включила компьютер. И, чувствуя себя кукушкой, дрянью и всей мерзостью мира, набрала в поисковике: «Ищу няню-домработницу на полный день в Москве».

Так появилась Света. Жить сразу стало легче и противнее...

...Когда доченька уснула, Лика положила ее в кроватку, отодвинула дверцу шкафа и с глубокомысленным видом уставилась на немногочисленные костюмы.

Черный? Или синий в белую полоску? А может, джинсовый бордовый? Такое чувство, что все это она

надевала уже миллион раз. И весь этот миллион — именно вчера.

«А что делать? — подумала Вронская, вытаскивая вешалку с бордовым костюмом. — Мои многочисленные обтягивающие джинсы и свитера на меня уже налезают, но видок еще тот — в бедрах поправилась, грудь огромная. Вот и пригодились костюмчики для деловых мероприятий, которые я до родов не любила ни покупать, ни носить. Пиджаки удачно скрывают, что я теперь особенно хороший человек».

Переодевшись, она расчесала короткие светлые волосы, мазнула по ресницам зеленой, в тон глаз, тушью. Накрасила губы прозрачным блеском, пахнущим черникой. И быстро-быстро, пока совесть не запустила шарманку упреков, выбежала из квартиры. В май, солнце, шум. В жизнь...

Лица завела двигатель своего голубого «фордика», взяла сотовый телефон, набрала номер следователя Владимира Седова.

Она собиралась встретиться с ним еще до родов по очень важному вопросу.

Наконец-то в России долгие разговоры о создании Следственного комитета перешли в стадию практической реализации. Комитет, после многочисленных дискуссий, был сформирован и начал работать. В связи с этим изменились функции прокуратуры, появились новые нюансы в работе следователей. Очень многое стало по-другому, начиная от названия должностей и заканчивая процессуальными особенностями.

Обложившись новым Уголовно-процессуальным кодексом, нормативной базой по Следственному комитету и распечатками интервью руководителей «свежеиспеченной» структуры, Вронская пыталась понять, как

же ей теперь в романе представлять героя, списанного с того же Седова. Выходило, что «следователь прокуратуры» уже неправильно, надо «следователь СО такого-то района СУ СК при прокуратуре РФ по Москве». Очень милая должность, и как легко ее запомнить! Всего ничего! СО — следственный отдел, СУ СК — следственное управление следственного комитета.

И чем дальше в лес — тем больше дров... Запутавшись в том, кому теперь подчиняются следователи, Лика решила подъехать к Седову, чтобы тот все объяснил человеческим языком. Они даже договорились о встрече, но Даринка норовила выбраться из живота раньше срока, и Вронской пришлось ложиться в больницу на сохранение. До появления няни о встрече с приятелем было нечего и думать. Зато теперь Володя уже никак не отвертится!

Следователь трубку снял быстро, но к идее встречи отнесся скептически.

— Да почитай ты УПК, там все написано.

— Читала, ни фига не поняла.

— Знаешь, а ничего, в сущности, не изменилось, — продолжал ворчать Володя. — Как работали, так и работаем.

Конечно же, она его все-таки уболтала и добавила. И, трогаясь с места, радостно улыбнулась.

«Избежать всех неточностей у меня не получится, — отрегулировав зеркало заднего вида, подумала Лика. — Я сознательно допускаю какие-то ошибки, потому что, если все процедурные моменты правильно описывать, — это долго, и читатель уснет. Но и явной лажи быть не должно. Не понимаю я, почему люди и пишут, и издают книги, в которых утверждается, что убийства расследуют милиционеры. Попался на днях такой роман-

чик. Ух, как я возбудилась! Суровый милиционер ищет убийцу пяти девиц. Бедный капитан: один, совсем один. Ни уголовного розыска, ни экспертизы будто бы не существует в природе! Как не стыдно такое писать? Не надо подменять авторскую фантазию полным бредом! А ведь печатают же!»

* * *

Игорь Костенко обвел глазами заметно погрузневшую группу участников тренинга.

Еще немного — и им предстоит расстаться. А не хочется. Но это и понятно — базовый модуль тренинга по нейролингвистическому программированию очень сближает.

За три дня все участники привыкли друг к другу. Вместе испытали колоссальный прилив адреналина. Учились читать мысли и вызывать нужные реакции у потенциальных оппонентов. Лучше стали понимать себя и окружающих. Им было больно — они ковырялись в застарелых незаживающих ранах мучительных воспоминаний. И их ожоги стыда еще долго будут гореть. Всегда ведь стыдно говорить о низких желаниях, о своей слабости и подлости. Хотя НЛП позволяет затрагивать эти вопросы с наименьшими негативными ощущениями... Кто-то из этих людей формально выиграл, кто-то остался на вторых ролях. Но каждый из них стал сильнее. Когда спадет эйфория тренинга и время позволит или отточить полученные здесь навыки до автоматизма, или же забыть о них полностью, эти люди вот так, с ходу, могут не вспомнить лиц друг друга. Но всегда будут здороваться, столкнувшись в толпе прохожих. И испытают вспышку нынешнего острого счастья. Хо-

роший, правильно проведенный тренинг — это «якорь» на всю жизнь.

— А теперь, перед тем как попрощаться, давайте просто поблагодарим жизнь, друг друга, Олю. — Игорь Костенко кивнул на сидящую рядом напарницу.

Та мигом продолжила:

— И Игоря, и все, что есть в этой комнате, и наши тела, и души. Мы будем благодарить, хвалить, любить жизнь во всех ее проявлениях, она ведь всегда яркая, красивая и такая сказочная, необыкновенная!

— Не всегда, — пробормотал Саша. — Видите, лампочка в светильнике перегорела. Что в ней, скажите, пожалуйста, яркого и красочного?

Мужчина лет сорока, с большим, в полщеки, родимым пятном сидел рядом с Игорем на ближайшем из выставленных полукругом стульев. И поэтому все его бурчание на протяжении трех дней никакого секрета не составляло. Странно, но вот один такой человек, несогласный всегда со всеми и вечно недовольный, обязательно встречается в каждой группе, на любом тренинге. В случае с Сашей во всем виноват дефект внешности, с которым мужчина так и не смирился. Но констатировать собственное несовершенство для подсознания сложнее, чем перенаправлять недовольство в окружающий мир. И все же даже Саша, при, очевидно, не решенной проблеме, после тренинга пока находится в большей гармонии с собой, чем до его начала. Хотя и далеко не полной. Мужчине помогла бы психотерапия, но он еще не готов к боли, которая сопровождает освобождение от комплекса...

Участники тренинга послушно закрыли глаза и стали выполнять последнее задание — хвалить, благодарить, радоваться, любить.

Через минуту, зажав рот ладонью, Ольга легонько толкнула Игоря ногой. Он обернулся, увидел изумленные глаза напарницы, и...

Перегоревшая лампочка в одном из хай-тековских серо-стальных бра снова ярко светилась.

Костенко показал пальцами букву V и радостно улыбнулся.

Да, Саша все-таки явно хорошо поработал над собой. Скорее всего, именно его энергия стала настолько мощной для совершения этого маленького чуда.

Объяснить, почему вспыхивают перегоревшие лампочки, нельзя. И передвигающиеся под пристальным взглядом облака тоже. А что произошло на одном из недавних тренингов!

Офис центра психологической помощи расположен удачно, в сотне метров от метро. Но перекусить в окрестностях, кроме как хот-догом и гамбургером, невозможно. И вот во время обеденного перерыва на светлой юбке девушки появилось большое пятно от кетчупа.

Она вычистила его взглядом! Вся группа прекратила выполнять свои задания и наблюдала, как исчезают с ткани красные следы. Они становились все менее и менее интенсивными, потом остался лишь влажный след, а затем и он испарился. Светло-сиреневая юбка стала идеально чистой, как будто на нее и не попал кетчуп...

Массовая галлюцинация?

Но ведь действительно объяснить невозможно! И может быть, не нужно?..

Чудеса случаются.

Мечты сбываются.

Человек — сам кузнец своего счастья и может абсолютно все.

Эти тезисы — если искренне верить в них всем сердцем, всей душой — помогают идти вперед, добиваться своих целей, совершать невероятные поступки. Жить с уверенностью, что все достижимо, намного проще и экологичнее по отношению к себе. И можно учить других так относиться к жизни. Но самому в это ни капельки не верить...

...*Она* вышла из столовой. Увидев табличку «Место для курения», решила остановиться на площадке, наклонила голову к висящей на плече большой сумке. Светлые пепельные волнистые волосы закрыли лицо девушки, и Игорь, уже понимая, что происходит что-то очень важное, а счет идет на секунды, рванул вверх по лестнице.

Площадка для курения находилась между вторым и третьим этажом. Игорь заметил стройные загорелые ножки, находясь на первом. До блондинки оставался всего один лестничный пролет.

И как он жажнулся! Коленями, голенью, со всей дури, больно-пребольно...

Тогда, стараясь подняться на ноги побыстрее, изящнее (о да, отличный вариант продемонстрировать изящество — зарыться носом в ступеньки), Игорь рассмотрел ее лицо.

С сигаретой оно не сочеталось вообще. Вот просто совершенно не сочеталось! Можно представить себе курящую Деву Марию или какую-нибудь святую? Это будет конгруэнтно?

А черты ее лица действительно напоминали иконописный лик. Тонкие полукруглые брови, большие светло-карие глаза. В них было все: тайны мира, покой, всепрощение, загадочный манящий свет, любовь.

Тогда — на пятом курсе — он еще верил, что любовь есть. Теории называли это чувство по-разному: невроза-

ми, психопатическим складом личности, личностью истероидного типа, страхом смерти, инстинктом размножения, компенсаторными механизмами. Но как, когда тебе едва за двадцать, не верить в любовь?!

Итак, у нее были прекрасные, наполненные любовью и покоем глаза, чуть вздернутый маленький носик, четко очерченные губы.

Одежда девушки больше открывала, чем закрывала. Взгляд Игоря метался по ее телу, шарил, как прожектор, хотел любоваться всем и сразу. Идеальная фигура, совершенная! Светлая рубашка с коротким рукавами, обтягивающая высокую небольшую грудь, завязана узлом на тонкой талии. И видна смуглая полоска восхитительного плоского животика. Вытертые джинсовые шорты совсем коротенькие. Правильные шортики, такие, как надо. С ее ногами юбки ниже колен и брюки — преступление. Тонкие, длинные, идеально ровные, покрытые жарким шоколадным загаром...

Она изменила время. Секунды казались часами, потому что внешность девушки, ее энергетика вызывали невероятно интенсивные эмоции.

У Игоря мгновенно получилось дистанцироваться от себя-упавшего, себя-смешного. Это кто-то другой пытается подняться на ноги, это он выглядит идиотом. Как он жалок! Но к нему, Игорю, это не имеет никакого отношения. Еще немного — и он будет уверенно знакомиться с красивой девушкой. Конечно же, она согласится выпить с ним кофе, оставит свой номер телефона. Таким парням, как он, не отказывают...

Что она теперь видит перед собой? Ну да, да, нет времени на спорт, к высокому росту еще бы походить в спортзал — выглядел бы Аполлоном. Но это сознательный выбор. Чем менее эффектна внешность пси-

холога — тем проще ему работать. Перенос возникает быстро, пациенты влюбляются, и при всех плюсах, которые это состояние приносит терапии, попытка наладить личные отношения осложняет работу. Впрочем, худой, мускулистый — сейчас не суть важно. Его лицо компенсирует излишнюю худощавость.

Ей понравится, ей все должно понравиться! Ежик русых волос, голубые глаза, темные стрелки бровей. И еще надо улыбнуться, чтобы на щеках появились хулиганские ямочки. К ним равнодушны все девчонки из группы. И молодые преподавательницы. И даже одна почтенная дама-режиссер, предлагавшая прийти на кастинг для исторического фильма. Слишком броская внешность для психолога. Но сейчас, именно теперь, в эти секунды длиною в вечность, такое лицо — козырь.

Все было хорошо. Просто замечательно все было. Игорь шел *ей* навстречу, смотрел в чайные заораживающие глаза, и...

— Костенко, вы когда мне курсовую работу сдадите? — Надежда Викторовна догнала поднимающегося по лестнице Игоря, вцепилась в его локоть. — Да остановитесь же! Стойте, куда вы летите?!

Преподавательница по английскому языку была всего на пару лет старше и явно пока не понимала, что студентам факультета психологии глазки строить не надо — все ее намерения они просчитывают еще до того, как она сама их осознает.

Надежда Викторовна, маскируя флирт, пыталась что-то выяснить про курсовую работу, но о чем именно она спрашивает, до Игоря не доходило.

Девушка выбросила сигарету. Откинула назад волосы. И... какое наслаждение, чудо, *она* спускается по ступень-

кам, совсем рядом, янтарные глаза, загорелые руки, тонкая спинка. Уходит, уходит, надо что-то срочно делать...

Когда Игорь смог отделаться от преподавательницы и выбежал на улицу, девушки уже нигде не было.

Она могла задержаться в десятке мест возле корпуса — газетный киоск, лоток со сдобой, книжный развал. А может, еще магазинчик с украшениями? Или кафе? Ну и что, что *она* из столовой выходила, — она могла захотеть пить, есть, мороженого, о, если бы *она* хоть чего-нибудь захотела и оказалась там!

Пытаясь ее найти, он лихорадочно пытался не потерять себя — беспроblemного, с проработанной фобией, готового помогать людям становиться счастливей. И не получилось ни первого, ни второго.

Девушка не нашлась. Результаты личной терапии пошли прахом.

Игорь обзывал себя фетишистом (а как еще это можно назвать, если интерес возникает не к личности, о которой не имеешь ни малейшего представления, а к шортам и загорелым коленкам!). Думая, что опасается реальных отношений, крутил романы с однокурсницами, переспал даже с Надеждой Викторовной. Только *она* все равно никуда не хотела уходить из его сознания. Курила, смотрела своими завораживающими чайными глазами, отбрасывала с лица волосы. Не отпускала, не исчезала. Точно смеялась над всеми попытками ее прогнать. Уже больше пятнадцати лет.

С этим было невыносимо жить. И категорически запрещалось работать.

...Новоиспеченные энэлперы наконец разошлись. Появилась уборщица, стала приводить в порядок класс, где проходили тренинги и групповая терапия.

Игорь прошел в свой кабинет, открыл ежедневник.

— Кто у тебя завтра? — Ольга старательно массирует его затекшие плечи. — Если свободен, может, посмотрим мебель?

«Это все происходит как не со мной, — подумал Игорь, перелистывая страницы. — Ольга вроде бы моя коллега — гражданская жена. Наша квартира, ремонт, надо выбрать диван для гостиной. Я наблюдаю за всем этим со стороны, и мне очень скучно».

— Завтра, завтра... Завтра у меня Маргарита с пищевой зависимостью.

— Ничего страшного. Я сама все выберу. Тебе понравится.

Он собирался сказать что-то приличествующее ситуации. Или пошутить: «Главное достоинство дивана — чтобы он был крепким и не скрипел». Но невыносимо жуткий ледяной страх вдруг парализовал все мысли.

Предчувствие катастрофы, чудовищной и непоправимой, было таким сильным, что он несколько секунд даже не мог дышать. Потом осторожно сделал вдох, выдох, мысленно поблагодарил подсознание за то, что оно хочет предупредить его об опасности.

Ольга, всегда интуитивно чувствовавшая его настроение, прекратила делать массаж и сочувственно поинтересовалась:

— В чем дело? Беспокоишься за Сашу? Он проблемный.

Игорь покачал головой. Клиент со щекой, изуродованной родимым пятном, здесь совершенно ни при чем. Скорее существует угроза личной безопасности. И очень серьезная...

— Милый, а может, пойдем сегодня вечером в сауну? — Пальцы Ольги снова стали массировать плечи. — Почему ты такой напряженный?..

* * *

— Прикольная у вас вывеска. — Длинноволосая блондинка лет двадцати пяти достала из сумочки пачку сигарет и золотистую зажигалку. — Пепельницу принесите, пожалуйста!

Митя Гуляев изобразил притворное сочувствие. Посетительница-то ух какая красивая! Так и хочется разговаривать с ней подольше и при этом пялиться в вырез декольте, где угадывается хороший такой третий номер. Черный кружевной лифчик, ммм... Хотя и ясно, что не светит ничего. Зачем такой упакованной фифочке девятнадцатилетний официант?!

— У нас не курят. Вообще. Зала для курящих нет. Все официанты и повара не курят. — Налюбовавшись грудью, он перевел взгляд на полоску бедра, виднеющуюся между краем юбки и скатертью. — В нашем суши-баре установлена специальная система ионизации и ароматизации воздуха. Утром в зале пахнет лимоном, апельсином — это бодрит. Ближе к полуночи — лаванда, пачули, иланг-иланг. Представляете, владелец этого заведения считает, что никотин и спирт — яды и что надо запретить их продажу.

Он говорил и в очередной раз наблюдал, как первоначальная агрессия (странный дизайн, нетипичные официанты в белоснежной, напоминающей врачебную, одежде, запрет на курение, еще бы не злиться!) в считанные минуты сменяется расслабленной доброжелательностью. Этот бар, в общем-то, без названия, умеет быстро завоевывать симпатию.

А вывеска действительно очень оригинальная. Окна, входную дверь, часть стены — весь фасад бара — заливают стремительный водопад. С верхней части здания падает сплошной поток, разбивается внизу на белые залпы

брызг, а потом в легком тумане вдруг начинает различаться сияние надписей: «Суши», «Релакс», «Жизнь», «Вкусно», «Здоровье», «Счастье», «Вода». Постепенно темп появления надписей в тумане становится более интенсивным: «Суши», «Счастье», «Вход». В водопад пробиваются солнечные лучи и вычерчивают контур входной двери, ее ручку. Новички не сразу решаются войти, настороженно рассматривают оригинальную огромную плазменную панель. Может, их смущает слово «счастье»? Или те, кто догадался, что находятся перед суши-баром, хотели бы еще видеть меню, позволяющее ориентироваться в блюдах и ценах? Впрочем, случайные посетители быстро становятся завсегдатаями. Да, цены в этом странном стильном заведении на пятьдесят процентов выше, чем в самых лучших японских ресторанах. А очереди, хотя здесь и не самый центр, в вечернее время выстраиваются постоянно.

— И как ваш владелец расслабляется? Если не пьет, не курит? — Девушка улыбнулась и кивнула на папку меню, которую Митя держал в руках.

Очень редко, но заядлые курильщики все-таки сбегали. Поэтому он не торопился вручать книжечку в белой обложке. А теперь уже можно, блондинка заинтересовалась и не уйдет.

Он протянул меню и вздохнул:

— Не знаю. Хозяин здесь появлялся всего пару раз, а постоянно живет, кажется, в Штатах. Но мне было бы любопытно на него посмотреть. Все-таки человек, который придумал такой дизайн, очень талантлив. Вот здесь...

Митя отошел чуть вправо, чтобы девушка могла видеть перегородки между залами, и продолжил:

— Здесь можно полюбоваться морскими волнами и гладью озера. А в другом зале стены — панорама океана. И есть еще ледяной зал — со снегом и льдом. Это плазменные панели. Но правда же полная иллюзия настоящей воды?!

— Не то слово! — Блондинка уткнулась в меню, но, увидев, что официант собирается отойти, подняла руку. — Стоп, стоп, я не сильна в этих вещах, посоветуйте.

Митя пустился в объяснения. Редкий по нынешним временам случай, девушка абсолютно незнакома с японской кухней. Придется рассказать про суши, салаты, супы и горячие блюда. Меню в этом баре не особенно отличается от стандартного — но если человек вообще не имеет ни малейшего представления, то рассказ предстоит долгий.

Он рассказывал про различные варианты сашими, но в глубине души чувствовал себя неловко.

Да, работать в этом баре очень хорошо и приятно.

Владелец, кажется, при разработке концепции своего заведения решил пойти от обратного. Никаких стандартных красно-черных цветов в оформлении, только белый и голубой. Никаких официантов азиатской внешности. В этом баре все — от повара до уборщицы — были блондинами. Не обязательно натуральными, некоторые из девушек-официанток осветляли волосы. Но малейшая примесь восточной крови, проявлявшаяся в чертах лица, служила здесь основанием для отказа в приеме на работу. Если хозяин бара хотел соригинальничать и придумать местечко, непохожее на стандартные, то у него это получилось. Митя Гуляев ни за что бы не подумал, что, провалившись на экзаменах в Строгановку, будет

работать официантом. Что это за работа для будущего художника — еду подносить?

Но сначала его зацепил дизайн, потом интерьер. Когда, глядя на его светло-рыжие, золотистые прямые волосы, менеджер Аллочка поинтересовалась: «Не хотите ли у нас поработать?» — Митя с удивлением понял, чего хочет. Как ни странно, хочет.

Ему очень понравился этот бар. И он обожал японскую кухню — легкую, вкусную, здоровую. До тех пор, пока один из поваров бара, заметив, как Митя с удовольствием уминает «калифорнию» и «филадельфию», не рассказал душераздирающую историю, как его полгода лечили от жрущего внутренности червя. Сырая рыба при всех предосторожностях, закупке ее только у надежных поставщиков — все равно штука опасная. И Мите, при рассказе о меню тем, кто незнаком с японской кухней, всегда было стыдно. Ведь про угрозу заразиться паразитами он вынужден ничего не говорить. Наверное, завсегдатаи, перепробовавшие все блюда, знают о возможных проблемах и сознательно ставят вкус выше безопасности. Но те, кто вообще никогда не пробовал блюда с сырой рыбой, об этом же не имеют ни малейшего понятия!

— А у вас есть удон? — поинтересовалась девушка.

— Да, с телятиной, морепродуктами, — бодро отозвался официант. А потом удивленно уставился на посетительницу. Не такая она, выходит, и дилетантка. И... смотрит она уж как-то очень заинтересованно. Может, ей не двадцать пять, а лет на десять-пятнадцать побольше? Возраст ухоженных девушек теперь определить невозможно. Если она постарше, то это означает... Да, таким уже не важны доходы — они просто хотят секса с молодым партнером. Но почему бы и нет? С таки-

ми женщинами общаться просто и приятно. И если они и отличаются от девушек помладше, то только в лучшую сторону. Потрясающий темперамент! Была возможность убедиться...

— Я заканчиваю в двенадцать ночи, — улыбнулся Митя, еще раз покосившись в декольте.

— Отлично. Я подъеду, машина — серебристый «Вольво». А сейчас принесите мне...

Записав заказ, Митя хотел спросить еще номер телефона. Но не успел. Дверь бара распахнулась, внутрь вошла группа коротко стриженных парней в темной одежде. Постоянные клиенты. И не только... «Личная жизнь откладывается», — подумал Митя, улыбаясь гостям.

Он совершенно не расстроился. Есть дела поважнее флирта и секса...

* * *

— Егор, а не стремно, что мы здесь тусуемся? А если нас засекут?

— Что?

Он переспросил и сразу же на себя разозлился. Егор Иванов — пора бы уже запомнить свое типично славянское имя и замечательную распространенную фамилию. Сам выбирал, сам носил шампанское и духи девочке из паспортного стола. Теперь дело за малым — запомнить, что Арсения Простака больше нет. Нет — и это прекрасно. Что за фамилия такая — Простак! Политические оппоненты, когда дело до выборов дойдет, заключают. Простой, простота, простата — да мало ли чего можно придумать при желании. Имя «Арсений» тоже какое-то скользкое. Как его сократить? Сеня, Арсен — спасибо, не надо. Зато теперь — все чин чинарем, коротко, понятно. И по-русски.

Егор посмотрел на ребят, без интереса изучавших меню. Не все любили суши, но ради того, чтобы хотя бы час не видеть «хачиков», готовы были сожрать даже склизкий комок риса с сырой рыбой.

— Не стремно, не засекут. Конечно, на эмо и готовы не похожи. Но наголо не стрижемся, так что на скинхедов тоже не тянем. Можно квартиру снять. — Егор невольно горделиво задрал подбородок. А что, деньги сейчас и правда не проблема. На нужды организации их теперь вполне хватает. — Но вот в квартире собираться как раз таки стремно. Соседи, милиция — заметят, вопросы задавать начнут, потом не отбрешешься.

Он говорил и смотрел на своих ребят.

У Сереги свитер совсем плох, в комках шерсти.

Витя, похоже, опять кололся, глаза прячет. Надо ему объяснить, что он не прав.

Андрюха нормально так замазал фонарь под глазом, который ему поставил чурка, упрямо прижимавший к груди борсетку. Почти не видно синяка.

Хорошие они все пацаны. Прекрасно понимают: только силой теперь можно очистить Россию от кавказцев. Че, джигиты сами в свои горы и аулы вернутся? Да ни в жизнь, им помочь надо. А то придумали: без объявления войны фактически захватили чужую территорию. И правильно, что теперь им объясняют, кто в русском доме хозяин. Дня не проходит, чтобы в Москве хоть одного «хачика» уму-разуму не учили. Группировок, которые этим занимаются, не сосчитать...

К столику подошел официант, записал заказ.

Егор задумчиво посмотрел на Митю. Почему-то ему казалось, что этот парень расклад понимает верно. И тоже не хочет безучастно смотреть, как исчезает родная страна.

«Надо бы с ним потолковать, — решил Иванов, доставая из кармана пару листов. — Но не сегодня».

— Итак, пацаны, смотрите. Вечером мы будем делать совершенно не то, что обычно. Мы должны пойти вот в эту квартиру. Дверь будет не заперта, и потом...

ГЛАВА 2

Мюнхен, 1931 — 1932 годы, Ева Браун

Через приоткрытое окно фотоателье дразнилась весна. Весело смеялись проходившие мимо студенты, чирикали птицы. Из ближайшего кафе доносилось:

— Ганс, поторапливайся! Выноси на улицу столы и стулья, вечер будет теплым! Да шевелись же ты, надо поспеть к ужину!

От весенних запахов кружится голова. Веет ванилью свежих пирожных из кондитерской, упоительным ароматом кофе.

А воздух! Какой на улице воздух! Вкусный, как прохладная вода горной реки, не надышаться им!

Аккуратные, вымощенные сероватым булыжником улочки Мюнхена стали яркими, окаймлены желто-красными бутонами тюльпанов. Но особенно хороши — Ева посмотрела в окно, на прижавшуюся к стеклу ветку, усыпанную белоснежными цветками, — дурмящие яблони и вишни. Скромные невесты в нежном кружеве лепестков.

В такую погоду, конечно, все мысли об одном — о любви, об алтаре...

«Разумеется, за Отто можно выйти хоть завтра, — подумала Ева, усаживаясь за печатную машинку. Гофман еще с утра ворчал, что ему срочно нужно подготовить

письма. — Отто должен понравиться отцу — из хорошей семьи, работающий. Веселый, любезный — и мама тоже будет им очарована. Но я не могу представить его своим мужем! Приятель, партнер по танцам, спутник для походов в кафе или в кино. Но не муж! А вот Ади... То есть мой фюрер. Он просит называть его только так. Говорит, надо даже вдвоем вести себя осмотрительно, чтобы не выдать на людях... Мой фюрер мне действительно начинает нравиться. Хотя вначале я лишь играла с ним. Подумать только — встречаться с мужчиной, который вдвое старше!»

Увидев в окно массивную фигуру начальника, Ева быстро застучала по клавишам. Но Гофман в ателье не вошел, направился вперед по Шелингштрассе, должно быть, в штаб-квартиру партии. Значит, можно еще немного помечтать, насладиться воспоминаниями...

Ади — то есть фюрер — особенный. С ним невольно чувствуешь себя героиней пьесы. Он очень внимательный, такой заботливый и галантный! Дарит шоколад, цветы, маленькие сувениры. Запомнил ее любимые блюда и вина, обожает шутить, изящно целует руку... А даже если бы и не столь приятные чувства возникали — все одно бежала бы к нему. Что-то есть в нем настолько притягательное, и противиться бесполезно, все равно не устоишь.

Нет, естественно, это не любовь. Гипноз, радость, забавная игра. Не любовь. Но фюрер манит, интригует. А как возбуждающе интересны его легкая отстраненность, частое отсутствие! После долгой разлуки летишь на свидание с Гитлером со всех ног. Даже мурашки покалывают кожу от предвкушения встречи. Это, конечно, не Отто, который целыми днями возле ателье прохажи-

вается! Вот за фюрера, пожалуй, можно выйти замуж. Он, правда, как-то сказал:

— Я женат на Германии.

Но это, конечно, шутка. Не с Германией же он ходит в оперу и кино, сидит за столиком кафе! Кстати, о кафе. Следить за фигурой рядом с фюрером нет никакой возможности. Обожает пирожные с жирным кремом, может съесть пять штук за вечер. И требует, чтобы все вокруг тоже поглощали сладкое. Как тут избавишься от животики и пухлых щек...

Мелодичный звук колокольчика испугал Еву.

Гофман? А работа еще не готова, сейчас посыплются упреки!

Но в ту же секунду она с облегчением вздохнула. Посетитель. Не начальник. Очень хорошо!

Пулей выскочила из-за скучной трескучей машинки.

— Желаете сфотографироваться? — Ева оценивающе прищурила голубые глаза. Пожалуй, посетителя можно снимать и в профиль, и анфас: правильные волевые черты, выразительный взгляд, твердый подбородок. — Вы можете посмотреть альбом с образцами, выбрать фон и размер!

— Мне нужно с вами побеседовать.

Незнакомец говорил спокойным, низким, приятным голосом. Но в его взгляде появилось что-то такое, отчего радостное настроение как рукой сняло. И предчувствие беды сдавило грудь.

— Взгляните, это Гели.

Он протянул небольшой снимок. С него натянуто улыбалась полная брюнетка.

«Надо было по-другому выставить свет, — подумала Ева, изучая изображение. — Тогда лицо выглядело бы не таким массивным».

— Это Гели, племянница Адольфа Гитлера, — уточнил мужчина. — А вы меня разве не узнали? Один раз подвозил вас домой, я — водитель.

Ева развела руками. Обычно Ади никогда не предлагал ей воспользоваться его «Мерседесом», который уже знает, кажется, полгорода. Только однажды, поздним зябким вечером, когда шел сильный дождь, фюрер решил добраться на автомобиле до соседней с ее домом улицы. Черный лак, сверкающие серебряные ручки, веточка жасмина в вазочке, плотный кожаный верх, в который звонко барабанили капли, — глаза разбегались, где уж тут запомнить лицо шофера.

— Меня зовут Эмиль Морис. Фюрер часто говорил, что хочет выдать племянницу замуж за достойного мужчину. Я много работаю, получу хорошее наследство, горячо поддерживаю национал-социалистическую партию. И люблю Гели больше жизни, наши чувства взаимны, и...

Приоткрыв от любопытства рот, с пылающими щеками слушала Ева водителя Гитлера. До чего же интересны такие истории — про любовь, намерения скорее пожениться! Конечно, дочь сводной сестры фюрера — не красавица. Но главное — чтобы она нашла свое счастье, а Эмиль этот, кажется, настроен серьезно, даже носит с собой фотографию девушки! Как это мило и романтично!

За любопытством пришла боль. Не церемонясь, пырнула острым ножом прямо в сердце.

Гитлер не выдал Гели за Мориса, потому что сам любит племянницу.

Он. Любит. Гели.

Поселил ее в своей квартире на Принцрегентштрассе, распорядился, чтобы Борман обеспечил для девушки

охрану. Никуда ее не отпускает. Лично сопровождает на уроки вокала, ездит с ней на пикники.

Да, конечно: это любовь!

С его-то занятостью — на уроки.

С его-то отвращением к паркам и озерам — на пикники. Да Ади же не выносит природу, ненавидит купаться. Никто никогда не видел его в купальном костюме, он может только пройтись по берегу и помочить в воде ноги, и на лице его появляется брезгливое выражение. И вот ради своей племянницы он плюет на собственные привычки и предпочтения!

Любовь. Любовь к Гели...

«Зачем же он приходит ко мне? — Ева сглотнула подступивший к горлу комок и уставилась в потолок, стараясь сдержать закипающие горькие слезы. — И говорит добрые слова, и ласково смотрит, и дарит подарки. Зачем?! Наверное, чтобы Гели ревновала. Точно! Как же он сходит по ней с ума! А я... я ничего для него не значу...»

— Ева, вы понимаете, — Эмиль накрыл ее руку своей широкой ладонью, — через несколько лет фюрер может получить пост рейхсканцлера. Для вас это тоже уникальный шанс! Вы можете стать женой такого человека, понимаете? А мне нужна Гели, никто ее не заменит. Нам надо объединить усилия, мы союзники, и цели наши совпадают. Вы слышите меня?!

Она послушно кивала, соглашалась. Зачем-то обещала написать девушке письмо с просьбой оставить Ади в покое — как будто бы оно могло исправить эту ужасную ситуацию.

Рейхсканцлер, власть, политика. Влияние, положение.

Если бы Эмиль только знал, как мало значит для нее все это. А очень дорого, безумно важно — уставшее лицо фюрера, его чарующие глаза.

Глаза-глаза-глаза.

Пропасть, омут. Других таких не найти! Нет сил думать о том, что они смотрят на другую женщину, что их целуют другие губы.

Нет сил думать — и не надо, ни к чему травить себе душу. Да это же очевидно: Ади просто запутался. Он поймет и сделает правильный выбор. Придется только очень постараться, позаботиться о том, чтобы толстая брюнетка с квадратной челюстью исчезла из жизни фюрера.

И Ева старалась.

Остригла пепельно-русые волосы, которые спускались ниже плеч, сделала короткую, как у Гели, стрижку. Стала носить вульгарные платья с глубоким вырезом, которые за стойкой фотоателье смотрелись неуместно. Начальник, вечно ворчащий по поводу и без, впрочем, не сделал на этот счет ни единого замечания, интуитивно все угадав.

Не прическа, не платье, не дурацкие туфли на очень высоком каблуке — это уже оружие в битве.

Ева боролась за сердце фюрера, Гофман — за близость к вождю, Морис — за Гели.

Объединенными усилиями действовать проще.

Генрих Гофман всегда имел полную информацию о местонахождении фюрера — и ни один приезд Гитлера в Мюнхен не проходил без того, чтобы начальник не затасил Адольфа поболтать с маленькой фрейлейн Браун.

Эмиль рассказал все о Гели. Как она кокетничает, скандалит с дядей, красит губы вызывающе яркой помадой. И курит у него, не выносящего табачного дыма, прямо на глазах.

В связи с этим надо все устроить по-другому. Пусть там, рядом с племянницей, будут нервы и боль — а здесь царят покой, комфорт, уют.

Поэтому — никаких упреков, только улыбки. Долой помаду и красный лак для ногтей. И — не курить — не курить — не курить. Хотя за долгие часы рассуждений фюрера о политике без сигареты с ума сойти можно.

«Я буду развлекать его. Веселить. Только бы он отдыхал рядом со мной. Пусть привыкнет. Пусть полюбит, — думала Ева, стараясь изо всех сил рассмешить фюрера. — Каждую минутку, которую он проводит рядом со мной, я занимаю в его сердце все больше и больше места. И вот настанет день, когда и вовсе не будет в нем Гели — зато буду я».

Она выбросила книгу Оскара Уайльда. Стоило лишь милому фюреру нахмуриться: «Слишком умное чтение. А женщина, которая хочет быть рядом с таким человеком, как я, не должна быть излишне умна. Женщинам ум вообще ни к чему...»

А еще Ева полюбила огромных злых овчарок. Ведь Ади считал, что они — лучшие друзья.

Прочитала «Майн кампф». Ничего из политических рассуждений не поняла, но многое выучила наизусть. Ведь эти строки писал дорогой фюрер, находясь в тюрьме, вдали от друзей и соратников.

Мама и подруги твердили в один голос:

— Ева, опомнись. Что с тобой происходит? Мы не узнаем тебя.

Она натянуто хохотала, удивленно хлопала ресницами, округляла глаза, приоткрывала ротик.

Отрепетированные для любимого жесты, фразы и взгляды, наверное, действительно незаметно вытеснили истинную Еву.

Ее это волновало?

Да ничего подобного!

Для нее в целом мире была одна цель, одни любимые глаза, один мужчина.

Она стремилась получить его целиком и полностью, всем своим существом, была охотницей и дичью одновременно.

Только вот ничего не выходило.

Все усилия были напрасны.

— Опять он приходил к нам на ужин с этой Раубаль, — понуро сообщил Гофман, отводя взгляд. — Глаз не спускал с Гели, разрешил даже сфотографироваться рядом с ней.

«Пущу себе вечером пулю в лоб. Да, возьму револьвер отца и застрелюсь, — мрачно решила Ева, мигом представив ненавистную соперницу рядом с обожаемым фюрером. — Грех это большой, и выглядеть буду после смерти некрасиво. Но сил больше нет за него бороться. Гели выиграла, хотя и не нужен он ей, и никому вообще так крепко, как мне, не нужен».

От невеселых мыслей отвлек адъютант Гитлера. Принес билет в оперу и сказал, что Ади просит непременно быть сегодня вечером в театре.

Спасена!

Выбрать платье, придумать шутки, наврать отцу, что слишком много работы, и поэтому придется задержаться.

А потом слушать, как он говорит о Вагнере. Смотреть на милое лицо, в котором теперь заключен весь мир. Мечтать...

Оперу Ева не любила, предпочитала оперетту, а еще лучше кино. От громких арий обычно болела голова, а в тот вечер, несмотря на присутствие обожаемого фюрера, Еве сделалось так плохо, что она невольно стала думать

о простых домашних делах. Они чуть отвлекали от музыки и успокаивали раскалывающуюся голову.

Итак, домашние хлопоты. Надо пересадить цветы в длинном ящике возле окна, почистить плащ, привести в порядок платье, а еще...

Мысли лихорадочно заметались.

Платье, карманы — даже если Гели не приводит одежду фюрера в порядок сама, по карманам непременно лезит, какая женщина устоит, а это значит...

Сдерживая желание подпеть от счастья звенящему на сцене сопрано, Ева обдумывала свою идею.

Шикарная! Отличная!

Написать Ади любовное послание, подложить в карман, пусть Гели найдет и закатит ему истерику! А текст — Ева нахмурила тонкие брови, но, вспомнив, что это чревато морщинками, натянуто улыбнулась — может быть примерно таким: «Еще раз спасибо Вам за любезное приглашение в театр. Это был незабываемый вечер. Безгранично благодарна Вам за Вашу доброту. Считаю часы до момента, когда мне дарована будет радость новой встречи. Ваша Ева»¹.

Он не заметил, как Ева опустила написанное в уборной письмо в карман его светлого плаща, потому что в этот момент вдохновенно рассуждал:

— Природа оказывается очень жестокой по отношению к отдельному индивидууму, она безжалостно отзывает его с этой земли, раз он неспособен выдержать ударов жизни, но зато она сохраняет расу, закаляет ее и дает ей силы даже для больших дел, чем до сих пор².

¹ А. Ламберт. Загубленная жизнь Евы Браун.

² А. Гитлер. Майн кампф.

Как всегда практически ничего не понимая из его речи, Ева согласно кивала и ослепительно улыбалась.

Оказывается, счастье — так просто. Он рядом. Соскучился, пригласил в театр, а еще впереди ужин, а потом...

Собственные мечты, одна заманчивее другой, лихорадочно проносящиеся в голове, казались Еве почти реальными. Попрощавшись с фюрером, она продолжала представлять до мельчайших подробностей все-все. И как он объяснится в любви, и свадьбу, и детей, а еще хорошо бы домик купить, можно небольшой, но очень уютный...

— Ева, к тебе пришли. — Отец заглянул в ее комнату и нахмурился. — Почему ты позволяешь своим друзьям заходить к тебе так поздно? Да и возвращаешься ты, дочь, тоже не рано. Хочу тебе напомнить, что до замужества...

Ева, недослушав проповедь, выскользнула в дверь.

«Ади, — обрадованно встрепенулось сердце. — Решился!»

Но в прихожей стоял понурый Эмиль Морис. По-красневшие глаза, серое лицо.

— Пошли на лестницу, там поговорим, — испуганно пробормотала Ева. — Что случилось?

— Фюрер уезжал из Мюнхена. И вот Гели за неделю нашла себе двух любовников! Скрипача из Вены и инструктора по лыжам из Инсбрука. Она... — Морис потер левую часть груди и, вздохнув, продолжил: — Сама себя им предлагала! Гели сходит с ума, дядя душил ее своей любовью... Конечно, он все узнал, закатил скандал. Пригласил тебя в театр. Я так радовался. — Голос Эмиля дрогнул. — Думал, все, конец. А когда он вернулся, то сразу же бросился в ее спальню. Прямоком, со всех

ног... Даже плащ не снял! И они помирились. Нужно что-то придумать. Нужен план, понимаешь?

Ева понимала одно: все напрасно. Он любит Гели. И это так больно, что боль заполняет все, а больше, кроме нее, уже ничего не остается...

Через несколько дней страдания все еще кровоточили. Только к ним прибавились горькая пустота, тяжелая усталость, тупое безразличие. Смирение.

«Я признаю свое поражение, — думала Ева, закрывшись в темной комнате с катушкой пленки. — Больше ничего уже между нами не будет. Если даже измену простил — любит ее, крепко любит».

Дверь вдруг распахнулась. Секунду Ева остолбенело смотрела на струю яркого солнечного света, вспоровшего темноту вплоть до извлеченной из футляра пленки в ее руках. Потом хотела сказать шефу, что он спятил и засветил несколько съемок. Но не успела.

— С фюрером беда! — закричал Гофман своим тонким голосом. И в нем было столько боли, что даже привычная комичность исчезла. — Племянница Гитлера застрелилась!

— Как? Когда? — охнула Ева, и руки сразу же задрожали. — Почему? Как фюрер?

Конечно, начальник все разведет.

Накануне трагедии Гели заявила, что хочет поехать в Вену. Фюрер, решив, что племянница желает встретиться со своим любовником, категорически запретил Гели даже выходить из дома.

— А сам-то ты что, лучше?! Распоряжаешься тут, света белого из-за тебя не вижу! А сам?! — кричала девушка, размахивая бумажкой. — Ты встречаешься с какой-то Евой, ходишь в оперу, она ждет новой встречи! Мне надо в Вену! Ты это понимаешь?! Мне надо!

Вместо ответа Гитлер сделал знак телохранителю. Тот услужливо приблизился, выслушал распоряжение — не выпускать Гели за дверь.

Племянница, впрочем, казалась не очень расстроенной. Она мгновенно вспыхивала, но так же быстро и переставала сердиться.

Гели поболтала с горничной, распорядилась насчет обеда. Потом долго щебетала по телефону с подружкой. Вошла в свою комнату, достала из ящика стола пистолет фюрера...

Она все-таки нашла выход.

И ушла.

А дядя ничего не смог поделать.

— Он закрылся в ее комнате. Не ест¹, отказывается выходить. Партийные мероприятия сорваны, а он лишь плачет. Я ни разу таким его не видел, — сокрушался Гофман, нервно теребя в руках пакетик с проявителем. — Я пытался с ним говорить. Фюрер лишь сказал, что никогда прежде не ведал такого бездонного отчаяния. И что теперь оно всегда будет с ним.

— Это я ее убила, — с ужасом прошептала Ева, — мое письмо все обострило, и... фюрер никогда меня не простит.

В тот день она с удивлением поняла: чувство вины не мучает ее. Ей нет никакого дела до полной темноволосой девушки, ей совершенно ее не жаль. И даже если письмо и правда укрепило решимость Гели нажать на курок... Это в принципе совершенно не важно. Так ей и надо. А зачем она мешала фюреру связать свою жизнь с той, которая ему предназначена судьбой!

¹ По мнению большинства биографов, именно после этой трагедии Адольф Гитлер стал вегетарианцем.

Но мысль о том, что больше не суждено увидеть Ади, сводила Еву с ума.

Успокаивающие и снотворные порошки чуть притупляли боль.

Ева ходила на работу, выслушивала ворчание Гофмана, возвращалась домой. Дни, ночи, события — все проходило мимо ее сознания.

Она пришла в себя лишь от резкого холода. Оглянулась по сторонам, осознала, что стоит на пороге ателье, а крыльцо замечено снегом. И открытые летние туфли промокли, а платье продувает ледяной ветер, а жакета на ней и вовсе нет.

— Какое сегодня число? — поинтересовалась она у Генриха, потирая покрасневшие озябшие пальцы. — Я так замерзла!

— Тринадцатое октября. Рано в этом году зима пришла. — И начальник почему-то широко улыбнулся. — Но я думаю, ты сейчас перестанешь мерзнуть. Фюрер приглашает тебя в Хаус Вахенфельд!¹

Неужели ей было холодно?

Каким невесомо жарким бывает счастье!

* * *

Песенка из «Карнавальной ночи» не отпускала.

— «Пять минут, пять минут...» — напевал под нос Юрий Иванович Костенко, меряя шагами гостиную, напоминавшую скорее библиотечный зал.

Комната казалась совсем небольшой, площадь ее уменьшали размещенные вдоль всех стен полки с книгами. Пол тоже был завален высокими стопками фоли-

¹ Резиденция Гитлера в горах, на границе с Австрией. После реконструкции ее стали называть Бергхоф.

антов. На фоне книжного беспредела пушистый салатový ковер, массивный, обтянутый темно-зеленой кожей диван и удобные кресла как-то тушевались, утрачивали свой лоск. Компьютер, установленный в углу на небольшом столике, разглядеть и вовсе было практически невозможно.

Горы книг очень мешали перемещаться хозяину квартиры. Он то и дело натыкался на них, подхватывал норовившие упасть томики или приседал на корточки, чтобы собрать рассыпавшуюся-таки стопку.

— «Пять минут», — пропел Юрий Иванович и в сотый раз посмотрел на висевшие на стене круглые часы.

Их стрелки точно приклеились к циферблату. До прихода гостя оставалось еще больше часа.

За это время с ума можно сойти...

От волнения мысли Юрия Ивановича путались. С одной стороны, он был рад, что случайная догадка, вдруг возникшая при изучении материалов об истории Второй мировой войны, скорее всего оказалась верной. С другой — совершенно непонятно, как поступить с учетом недавно открывшихся обстоятельств. И третье, третье. Самое ужасное, невыносимое. Пенсия превращает жизнь в вакуум. Интеллектуальный и физический. До недавних пор он был заполнен своеобразным исследованием, проверкой, казалось бы, невероятного предположения. Поисками, перепиской. И вот теперь дело практически завершено. Все подтвердится — об этом говорит интуиция. Все подтвердится, но что потом? Вновь потекут однообразные пустые дни, и как в них жить? Опять двадцать пять, снова будет не о чем думать, некуда идти.

«Хоть ты помирай при выходе на пенсию, — мрачно подумал Юрий Иванович. — Как же мне хочется обрат-